

ПРАВО КРЕСТЬЯН БЕЛОРУССИИ, ЛИТВЫ И УКРАИНЫ НА ЗЕМЛЮ И ВЫХОД В XV—XVI ВЕКАХ

Д. Л. Похилевич

Право крестьян на землю и их право на выход, несомненно, являются важнейшими вопросами аграрной истории феодального общества. Им отдавали дань многие исследователи как в дооктябрьский период, так и в советское время.

В буржуазной историографии по ним высказывались два противоположных мнения. Первое, которое можно выразить словами И. Новицкого, сводилось к тому, что права крестьян на свои земли «ничем не отличались от таких же прав высших сословий»¹, или, как это формулировал П. Иванищев: «Крестьянин мог приобретать земельные участки и владеть ими на праве полной собственности»². Того же мнения придерживались В. Антонович, О. Ефименко, П. Д. Брянцев и другие. Что крестьяне имели такие права, но только до середины XVI в., признавал и ряд других историков³. Второе решение предложил М. К. Любавский. Он утверждал, что, «владея и пользуясь своими участками потомственно, великокняжеские крестьяне продавали и закладывали свои земли другим крестьянам и даже лицам других сословий. Но все эти сделки... практиковались в силу допущения высшей власти...»⁴.

В советской историографии по этим вопросам также нет единства мнений. Одни авторы утверждают, что все крестьяне частных владельцев не имели права распоряжаться своими землями, все являлись крепостными и были отягощены земельной рентой; другие считают, что и в частных владениях имелись и крепостные и вольные, а с разрешения господ все они могли отчуждать свои земли. Еще большие расхождения существуют в трактовке прав крестьян, проживавших в великокняжеском (господарском) домене. А ведь там жила примерно половина сельского населения. Старейшие представители советской историографии В. И. Пичета и С. В. Юшков считали, что «крестьяне потеряли право распоряжения своими земельными участками» по уставу 1557 года⁵. В. И. Пичета утверждал: «С формально-юридической точки зрения великокняжеско-волостное население не имело права собственности на землю. Однако оно распоряжалось ею по своему желанию»⁶. До середи-

¹ «Архив Юго-Западной России». Ч. VI, т. 1. Киев. 1876, стр. 12, 13, 15.

² П. Иванищев. О древних сельских общинах Юго-Западной России. Киев. 1876, стр. 6.

³ М. Ф. Владимирский-Буданов. Формы селянского володіння землею. Львів. 1902, стр. 27; М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев. 1905, стр. 247.

⁴ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства. М. 1915, стр. 106.

⁵ См. «История СССР». Т. 1. М. 1947, стр. 236.

⁶ В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания Литовского статута 1529 г. Сборник «Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.». М. 1961, стр. 399.

ны XVI в. крестьянское землевладение, по его мнению, каким-либо правом не ограничивалось, а обычное право разрешало всем свободно распорядиться землей⁷.

Поскольку расхождения между историками в значительной мере проистекают от их взглядов на юридический статус домена великого князя, нам придется остановиться на этом вопросе. Авторы общих работ по истории Белоруссии, Литвы, Украины считают, что в XIV—XV вв. великий князь был крупнейшим землевладельцем и что ни общины, ни отдельные крестьяне не владели землей на праве частной собственности⁸. Однако в этих же работах встречаются и отклонения от приведенных выше положений. По мнению авторов «Истории Литовской ССР», в домене господаря жило разное население, в том числе лично свободные крестьяне — собственники земли (аллодисты). Особое положение последних авторы объясняют тем, что предки этих крестьян в XIII—XIV вв. входили в военное ополчение, а более бедные работали в замковых хозяйствах. Потомки крестьян-аллодистов потеряли право на выход и землю во время реформы 1557 года⁹. Авторы «Истории Белорусской ССР» даже для первой половины XVI в. считают возможным утверждать, что «государственные земли составляют домен великого князя», что здесь располагались «государственные имения», что «в некоторых государственных волостях были созданы великокняжеские дворы, доходы с которых шли непосредственно великому князю»¹⁰. О том, куда шли доходы с волостей, где не было дворов, они умалчивают. Получается, что уже в начале XVI в. великий князь сделался держателем государственного бенефиция. А куда же девались его фамильные владения? По мнению белорусских авторов, «крестьяне не имели права собственности на землю, а только пользовались землей»¹¹. В данном случае они следуют за М. В. Довнар-Запольским, пытавшимся доказать, что уже в конце XV в. господарские земли делились на две части: находившиеся в общем государственном владении (восточные области) и находившиеся в личном пользовании великого князя (западные области)¹². В свое время еще В. И. Пичета выступал против такого рода утверждений. «Все находившиеся во владении великого князя земли составляли личную собственность господаря. Деление земель на дворовые земли великого князя и государственные земли в прямом смысле слова не было еще произведено»¹³. По мнению авторов «Истории Белорусской ССР», земли княжеского домена всегда были государственными¹⁴. Из этого утверждения вытекает, что наследственно правившие княжеством 250 лет Гедиминовичи были безземельными.

Что же представлял собой домен великого князя? Господарские имения по своему происхождению и статусу были довольно различны. Здесь встречаются старые родовые вотчины Гедиминовичей, восходящие к XIII—XIV вв., и вотчины литовских и русских князей, вошедшие в состав домена в результате завоеваний, что привносило в этот вопрос «право меча». Попадали в него земли и путем браков, конфискации и т. д., входили волости удельных князей после ликвидации

⁷ В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск. 1927, стр. 106.

⁸ «История Литовской ССР». Т. 1. Вильнюс. 1953, стр. 131—132, 191, 195, 235, 237, 238; «История Украинской РСР». Т. 1. Київ. 1967, стор. 117; «История Белорусской ССР». Т. 1. Минск. 1961, стр. 49, 50.

⁹ «История Литовской ССР». Т. 1, стр. 134, 237, 238.

¹⁰ «История Белорусской ССР». Т. 1, стр. 79, 80, 83.

¹¹ Там же, стр. 81.

¹² М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев. 1901, стр. 146—147.

¹³ В. И. Пичета. Феодалное поместье в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском. «Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.», стр. 209.

¹⁴ «История Беларускай ССР». Т. 1. Минск. 1972, стр. 143.

уделов при Витовте, а также выморочные имения феодалов, ибо наследником их считался великий князь. Свои имения великий князь продавал, закладывал, менял, дарил политическим деятелям, своим любимцам, женам, давал в приданое за дочерьми и т. д.

До конца XVI в. все доходы от господарских имений поступали в единую великокняжескую казну. Из нее производились расходы на государственные, дворцовые и личные нужды князя. Никакого отдельного финансово-экономического органа, который ведал бы чисто государственными доходами и такими же расходами, не было. По феодальному правосознанию, княжеское (королевское) понималось как государственное, и наоборот. Однако после Люблинской унии 1569 г. и угасания династии Ягеллонов — Гедиминовичей (1572 г.), когда короли Речи Посполитой (они же великие князья литовские) сделались выборными, право на земли бывшего княжеского домена перешло к государству. Из великокняжеского домена была выделена часть имений — «земских» — и передана в распоряжение специальной казны, подотчетной сейму. Эти имения раздавали во временное пользование за заслуги или как служебный лен (староства, державы). Четвертая часть доходов от этих имений шла на содержание наемного войска. Другая часть бывшего домена великого князя — экономии — была передана дворцовому ведомству, и ее доходы шли на покрытие нужд короля. Поскольку короли были выборные, то и экономии можно рассматривать как государственное имущество, передаваемое избраннику в виде бенефиция на его содержание. Таким образом, только с конца XVI в. (1588 г.) можно рассматривать земли бывшего господарского домена как государственные. Положение крестьян, живших в имениях господаря, было аналогичным положению крестьян дворцовых имений в России.

Из монографических работ, затрагивающих интересующий нас вопрос в XV — первой половине XVI в., можно назвать исследования Ю. Юргиниса и Д. И. Мышко. Ю. Юргинис рассматривает судьбы литовских крестьян XIV—XVI вв. в составе Великого княжества Литовского. По его мнению, в волостях «государственных земель» жили крестьяне-общинники, волостяне — велдамасы, которых великий князь раздавал боярам за службу. Эта группа крестьян «пользовалась свободой выхода и некоторыми аллодными правами на землю». Велдамасов, живших в тех волостях, где имелись господарские дворы-хозяйства, превращали в тяглых. «Постепенно ограничивалось право выхода и право земельной собственности» этих крестьян¹⁵. Что же касается отчуждения крестьянами земли, то Ю. Юргинис пишет: «При такой системе обложения (со службы.— Д. П.) количество обрабатываемой земли не учитывалось, и потому покупка и продажа земли не воспрещалась и какими-либо юридическими актами не подтверждалась. Крестьяне покупали и продавали землю по обычному праву, «на слово», в присутствии старосты деревни или свидетелей»¹⁶. Такое утверждение Ю. Юргиниса согласуется с положениями М. К. Любавского, В. И. Пичеты и других, высказанными по тому же вопросу, но о русских (белорусских, украинских) крестьянах господарского домена. В данном же случае литовские крестьяне-аллодисты, казалось бы, должны были продавать свои земли не по обычаю, который сложился в результате своеобразия аграрного строя, а по писаному праву, как мещане и шляхта. Судьбу велдамасов в тех местах, где не существовало княжеских дворов, по мнению Ю. Юргиниса, решила реформа 1557 года. Она «окончательно лишила крестьян земельной собственности, уничтожила остатки аллодных

¹⁵ Ю. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве. Вильнюс, 1962 (на лит. яз.), стр. 310, 311, 312.

¹⁶ Ю. Юргинис. Доклад о книге «Закрепощение крестьян в Литве». Вильнюс, 1963, стр. 35.

прав и превратила их землю в наделы». Вместе с «актом превращения крестьянских земель в личную собственность великого князя было завершено установление и феодальной ренты». Так, по мнению Ю. Юргиниса, «был завершен процесс превращения государственных податей в феодальную земельную ренту»¹⁷. Перемены, происшедшие с крестьянами во второй половине XVI в., Ю. Юргинис связывает с тем, что «Литва вступила в период зрелого феодализма»¹⁸. В отношении земель домена у него свой взгляд: до 1557 г. они государственные, а после — личное имущество господаря.

В работах Д. И. Мышко вопрос трактуется довольно близко к основным положениям Ю. Юргиниса. По мнению Д. И. Мышко, земли господарского домена и крестьяне, живущие на них, государственные. Они не были отягощены феодальной земельной рентой, ибо несли только государственные подати и повинности¹⁹. Крестьяне — данники и тяглые — были лично свободны и являлись владельцами государственной земли, которую свободно отчуждали²⁰. У частных владельцев крестьяне и их земля принадлежали феодалу; землю они не могли продавать, как и сами не могли уходить с нее. В «Истории крестьянства Украинской ССР» утверждается, что «земля, согласно обычному праву, считалась общинной», но продавать ее можно было «лишь с согласия общины и с ведома администрации»²¹. Возникает вопрос: чьей же собственностью она была?

Тезис о государственном характере земель великого князя нужен Ю. Юргинису и Д. И. Мышко для того, чтобы обосновать право крестьян на землю и выход и утверждать, что крестьяне домена не платили земельной ренты.

Большие трудности представляет вопрос о литовских аллодистах, которых Ю. Юргинис генетически выводит из дофеодальной общины. Документальный материал по этому вопросу настолько беден и невыразителен, что на его основании построить эту концепцию нельзя. Остаются исторические параллели и субъективная трактовка отдельных случаев. Единственно, что не вызывает особых возражений, это сходство аллодистов с поднепровскими данниками. Судьба предков этой категории литовских крестьян, по-видимому, была решена еще в XIII—XIV веках. Отдельные счастливые попали в нижний слой литовских феодалов-бояр, подавляющее же большинство, как это видно из «Истории Литовской ССР», обеднело, перестало ходить на войну, превратилось в обычных крестьян — тяглых, оброчных или служебных (конюхов, ловчих, стрельцов и иных крестьян-слуг подобного им типа русских волостей) господаря или литовских панов²². В порядке княжеских пожалований те из них, кто попадал к частным землевладельцам, по обычаю, а после привилея 1447 г. и по писаному праву, рассматривались как данные, то есть крепостные крестьяне. В этой же категории оказались и те, кто разорился и вынужден был сесть на землю феодала, а также те, кто попал в сферу княжеских хозяйств (а подобных в Литве имелось много) и был превращен в тяглых. В книге К. Яблонскиса приведены сотни примеров такого превращения. Против этого не возражает и Ю. Юргинис, но все же

¹⁷ Ю. Ю р г и н и с. Закрепощение крестьян в Литве, стр. 313, 314.

¹⁸ «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1972, стр. 90.

¹⁹ Д. И. Ми ш к о. Соціально-економічні умови формування української народності (Становище селян і антифеодальні рухи на Україні в XV — перш. пол. XVI ст.). Київ. 1963, стор. 73, 74, 80, 86, 95, 123, 287.

²⁰ Д. И. Мы ш к о. Социально-экономическое положение крестьян и антифеодальные движения на Украине в XV — первой половине XVI вв. Автореф. докт. дисс. Минск. 1964, стр. 6, 7, 21, 22, 30, 46, 47.

²¹ Історія селянства Української РСР». Т. 1. Київ. 1967, стор. 74, 75.

²² Этот процесс хорошо показан В. Т. Пашуто в книге «Образование Литовского государства» (М. 1959, стр. 290).

он утверждает, что аллодисты как самостоятельная категория крестьян сохранились до 1557 года²³. С литовскими аллодистами повторилась та же история, что с франкскими, столь убедительно раскрытая Ф. Энгельсом²⁴.

В. Т. Пашуто, отмечая процесс успешного развития в Литве крупного феодального землевладения и соответственно утраты крестьянами своего бывшего положения, пишет: «Те историки, которые закрывали глаза на крупное феодальное землевладение в языческой Литве, понятно, не могли видеть в ней и частновладельческих крестьян; крестьян же, зависимых от государства, они считали вообще свободными»²⁵. Польский историк С. Кутшеба писал: «В XIV в. ...кажется, что уже не было в Литве класса вольных людей (крестьян.— Д. П.), которые бы владели землей на праве собственности. Земля была собственностью князей или бояр»²⁶. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин склонны видеть в аллодисте XIII—XIV вв. мелкого феодального вотчинника²⁷.

Если обратиться к законодательному и актовому материалу XV—первой половины XVI в., то в нем нельзя найти свидетельств о праве собственности крестьян на землю. И это относится не только к крестьянам русских волостей, где утверждение феодальных отношений восходит еще ко временам Киевской Руси, но и литовских, где оно началось позже, но зато протекало быстрее. Привилеи 1387, 1413, 1432, 1447 г. и все последующие подтверждают и увеличивают права феодалов на земли и на крестьян. Привилеи 1447 г. и магдебургское право признали право мещан на землю, но ни в одном привилее, судебнике или кодексе законов — статуте — о таком праве крестьян даже не упомянуто. Жаловали ли великие князья Миндовг, Гедимин и Ольгерд земли феодалам, вопрос спорный, но что жаловали Витовт, Ягайло, Свидригайло — не подлежит сомнению, как не подлежит сомнению и то, что русские князья раздавали бенефиции и феодалы в своих уделах в более ранние времена.

М. К. Любавский приводит сообщение метрики Литовской о том, что Витовт, переселивший крестьян в пушу, «на их же вотчине справил себе двор»²⁸. Великий князь Казимир в 1440 г. пожаловал пану Довкшевичу двух человек с их землями. По этому поводу он писал гродненскому наместнику, который должен был ввести указанного пана во владение: «Ино восхотят ли ему (Довкшевичу.— Д. П.) служить, и ты дай ему, а не восхотят ли ему служить, они бы с земли сошли»²⁹. Следовательно, крестьяне могли остаться на своей отчине, но уже под властью не господаря, а частного лица. Если они этого не пожелали, то могли уйти, а земля их передавалась пану без всякой компенсации в их пользу. Князь отдавал пану то, что считал принадлежащим ему, а не крестьянам, хотя они и были людьми вольными. В том, что этот случай следует расценивать именно так, убеждает и пожалование Сигизмунда I писарю Михаилу Васильевичу села Свиноухи на Воляни, где жили курьеры — слуги путные, вольные. Последние были этим недобовольны, и Сигизмунд распорядился: «Всхотят ли они по своей доброй воли ему служить, и они нехай ему служить, а не восхотят ли ему служить, и они,

²³ К. Jablonskis. Lietuviški zodzial. Kaunas. 1941, ss. 23—45, 249—262. Ю. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве, стр. 312; его же. Доклад о книге, стр. 23.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 514—516; т. 21, стр. 151—153.

²⁵ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 304.

²⁶ St. Kutszeba. Historia ustroju Polski. Т. II. Litwa. Kraków. 1921, s. 19.

²⁷ А. Н. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М. 1972, стр. 250, 289.

²⁸ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М. 1892, стр. 308.

²⁹ «Акты Литовской метрики, собранные Ф. И. Леонтовичем» (далее — АЛМ). Т. 1. Варшава. 1896, № 7.

земли свои оставивши, мають пойти проч, где хочачи, а Михайло собе тыи земли людьми осаживает прыхожими...»³⁰. В так называемой «Книге данин великого князя Казимира» при подобных пожалованиях можно встретить распоряжение: крестьян с пожалованной земли «выгнати»³¹. Видимо, крестьяне не соглашались служить новому хозяину, но в то же время, считая землю своей, не хотели с нее уходить. Все они были людьми вольными. Упомянутые случаи изгнания крестьян происходили на литовских землях (Россиены, Видукли, Ойрагола и др.). Они дают основание думать, что в 40-х годах XV в., то есть еще до привилея 1447 г., государственная власть уже не признавала землю собственностью даже свободных волостян — крестьян-литовцев из домена великого князя.

В конце XV в. при великом князе Александре не признавалась собственностью даже купленная крестьянами земля, более того — купленная у них феодалом. Так, Александр, подтверждая в 1495 г. пану Хреbtовичу права на его имение и в том числе купленное им село на Воляни, оговаривает: «Ино, коли он тое сельцо купил в земян (мелких вотчинников.— Д. П.) Володимирских вечно, а не в смердов»³². Для покупки земли феодалом у господарских крестьян непременно требовалось письменное согласие великого князя, ибо в таком случае это означало утрату господарем своей собственности на землю и переход ее в собственность феодала. Статус такой купленной земли определялся не актом купли-продажи, а грамотой великого князя и сословной принадлежностью покупателя³³. Тот же великий князь Александр пожаловал «вечно» дворянину Сеньку Жеребятичу в Путивльском повете земли, купленные крестьянами. Крестьяне не захотели уйти со своих земель, но и не хотели оставаться под властью Жеребятича. Они стали судиться с ним в великокняжеском суде, обвиняя его в том, «чтож он тыи их земли отчинные» у князя выпросил, то есть ввел князя в заблуждение. Александр не принял их доводов во внимание «и земель, тых купель, в Сенка есмо не отняли»³⁴. Видимо, крестьяне купили землю без согласия местной администрации великого князя, которая располагала и судебными правами³⁵. Подтверждение этому можно видеть в пожаловании великим князем Александром городничему Виленскому Занку человека Тешила Пуполевича «с братьей» и земель. В жалованной грамоте было сказано: «Теж, што будет тот Тешило из братиею земли свои попродали або заставили кому в пенязех, а либо кому отдали, и мы их тыи земли дали Занку вечно, зань же людем нашим нельзе земель продавати ани запродавати без нашего произволения»³⁶.

Ту же мысль не раз выражал в своих грамотах Сигизмунд I: «Невольню в людей наших земель без дозволения нашего никому купити»³⁷. «Мужик простой не мает моцы господарской земли обель (вечно.— Д. П.) продавати»³⁸. Даже сделка путного боярина Лемана на две волоки

³⁰ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ..., стр. 309.

³¹ «Документы Московского архива министерства юстиции» (далее — ДМАМЮ). Т. I. М. 1897, стр. 39, 57 и др.

³² М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства..., стр. 358.

³³ «Акты Виленской археографической комиссии» (далее — АВК). Т. XVII. Вильно. 1890. № 211.

³⁴ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ..., стр. 308, 309.

³⁵ «Статут Великого княжества Литовского 1529 г.». Минск. 1960, разд. III, арт. 4; разд. VI, арт. /3/ 2.

³⁶ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства, стр. 106.

³⁷ Там же.

³⁸ АВК. Т. XVII, №№ 214, 218.

не была признана, ибо «той Леман не имел жадной mocy тых волок продавати, яко то простой человек»³⁹.

Статут 1529 г. вопрос о земле для всех крестьян в Великом княжестве Литовском, независимо от их принадлежности, разрешает совершенно ясно. Он категорически запрещает кому бы то ни было, в частности боярам и простым людям, покупать или брать в заклад землю у чужих людей (крестьян) без разрешения их панов (в том числе и господарской администрации). Купивший такую землю, даже если он сделал на ней посев, терял и землю и посев. Он даже не мог предъявить иск продавшему о возврате уплаченных денег: «для того иж то он учинил над уставу нашу. Також и чужого человека не мает никто закупати без воли пана его»⁴⁰. В то время, как шляхтич по статуту мог завещать одну треть своего имущества (в том числе земли), простому человеку разрешалось завещать только движимое имущество. Последующие законодательные и иные акты (в том числе устав 1547 г. и устав Кнышенскому староству 1553 г.⁴¹, не говоря уже об уставе на волоки 1557 г.) свидетельствуют по изложенному нами вопросу настолько убедительно, что, как было сказано выше, даже сторонники концепции о существовании земельной собственности и свободного выхода крестьян до середины XVI в. вынуждены это признать⁴².

Казалось бы, что при таком отношении к вопросу о крестьянском землевладении никакие земельные сделки не должны были бы иметь места. В действительности же дело обстояло иначе. И в дореволюционной и отчасти в советской историографии приведено много примеров продажи, дарения, дачи в приданое крестьянами земли. Именно эта свобода отчуждения крестьянами своих земель и служит главным и, пожалуй, единственным доказательством их прав на землю для упомянутых выше авторов. Однако право отчуждения — это еще не право собственности, и это хорошо знали крестьяне, владевшие наследственно землей на немецком праве, эмфитевзе, цензиве, которые тоже свободно отчуждали свои земли. Основанием для этого им служили статус этих земель и традиция. Ведь во всех таких случаях продавалось (переступалось) право пользования землей без права изменять ее юридический и повинностный статус. Взыскания за преступления никогда не падали на землю крестьян, а только на личность и движимое имущество. Феодалы подсаживали к слабым семьям потужников, не спрашивая согласия главы двора, а ведь потужники со временем приобретали право на долю земли при разделе. Нельзя согласиться с М. Ф. Владимирским-Будановым, В. И. Пичетой, Ю. Юргинисом и др., когда они утверждают, что земельные сделки крестьян никакими законами не ограничивались⁴³. Выше было показано, что дело обстояло не так. О праве крестьянской собственности на землю законы XV—XVI вв. молчат потому, что такого права уже не было. В то же время такое право признавалось за новым сословием — горожанами (мещанами) (согласно как магдебургскому праву, так и привилею 1447 года).

³⁹ «Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси». Т. 1. Вильно. 1867, № 26.

⁴⁰ «Статут 1529 г.», разд. VIII, арт. 21 (по Слуцкому списку).

⁴¹ Крестьяне, ушедшие с земли, не засеяв ее, не получали ее больше, даже если возвращались. Исключения допускались лишь в голодные годы («Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией» (РИБ). Т. 30. Юрьев. 1914, стр. 600).

⁴² В юридическом аспекте вопрос этот подробно изложен в нашей статье «Изменение правового положения крестьян Великого княжества Литовского в XVI в.» («Наукові записки Львівського університету». Т. XXV. 1953).

⁴³ Ю. Юргинис признает, что феодалы покупали землю у крестьян великого князя лишь с его разрешения (Ю. Юргинис. Крестьянское землевладение в Литве до середины XVI в. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Рига. 1963, стр. 153).

Изучение крестьянских сделок; осуществленное Владимирским-Будановым, Любавским и др., а в последнее время М. Ф. Спиридоновым (на Литовской Руси в первой половине XVI в.), дает основание для ряда выводов: а) крестьянские сделки совершались с ведома господ или великокняжеской (в том числе общинной) администрации; без этого они после 1529 г. не записывались в книги. Сделки с нарушением законов могли быть расторгнуты в любое время, для этого давности не было; б) земля продавалась обязательно со всеми теми повинностями, которые на ней лежали; в) судебно-административные власти аннулировали сделки (иногда через много лет), если таковые оказывались убыточными для господаря⁴⁴; г) господарские крестьяне не имели права продавать и покупать земли навечно (а потому, полагает М. Ф. Спиридонов, содержание договоров такого порядка надо рассматривать как передачу земли кредитору в заставу, то есть в залог на неограниченный срок); д) сущность продажи-купли земли крестьянами состояла в том, что они, «продавая-покупая землю, не передавали и не приобретали право собственности на землю, которым они не располагали»⁴⁵, и, что весьма важно, отчуждение земли производили, как правило, отчичи, то есть крепостные, как данники и служебные, так и тяглые. Отчуждались же только отчины или купленные земли⁴⁶, причем как господарскими крестьянами, так и частновладельческими. Все это в корне противоречит утверждениям Ю. Юргиниса и Д. И. Мышко о том, что земли отчуждали только вольные крестьяне и только в домене господаря. Юридически вольные крестьяне редко могли быть владельцами отчин, не будучи сами отчичами, а последние, как известно, являлись крепостными⁴⁷. Вольные крестьяне могли продавать купленные и пожалованные им господарем за службу земли⁴⁸.

По существу, и Ю. Юргинис и Д. И. Мышко разделяют теорию «совмещенной собственности», хотя прямо об этом и не говорят. Крестьяне господарского домена живут на земле, собственником которой является государство, но в то же время они не платят ему земельную ренту. Ю. Юргинис считает, что крестьяне не платят ее потому, что они сами — собственники этой земли, а Д. И. Мышко, видимо, потому (сам он этого не объясняет), что «земля за обычным правом считалась общинной»⁴⁹. По их мнению, крестьяне выполняют только государственные повинности, наподобие шляхты или горожан. Иначе приходится допустить, что Ю. Юргинис и Д. И. Мышко, как и В. И. Пичета, считают, что феодальные отношения в исследуемом регионе «оформились» лишь во второй половине XVI века. По мнению Д. И. Мышко, в середине XVI в. закрепощенные крестьяне составляли на Украине только 20% от их общего количества⁵⁰. Нельзя сказать, что вопрос о земельной ренте решен Ю. Юргинисом и Д. И. Мышко ясно. Так, в частности, Д. И. Мышко утверждает, что крепостные крестьяне выполняли государственные повинности, платили земельную ренту да еще и дополнительные натуральные и денежные повинности⁵¹. Могло ли так быть? Ведь земельная

⁴⁴ См. примеры: М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства..., стр. 401, 408.

⁴⁵ М. Ф. Спиридонов. Аб сутнасці продажу-куплі сялянамі Беларусі у першай палове XVI ст. «Известия» АН БССР. Серия общественных наук. 1971, № 3, стр. 100.

⁴⁶ См. М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ..., стр. 400, 401, 408.

⁴⁷ См. М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства, стр. 109.

⁴⁸ В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 319.

⁴⁹ «Исторія селянства Української РСР». Т. I, стор. 74.

⁵⁰ Там же, стр. 84.

⁵¹ Д. І. Мишко. Соціально-економічні умови, стор. 283, 287; е го же. Автореф. докт. дисс., стр. 47.

рента де-юре поглощала весь прибавочный продукт (труд) крестьянина⁵². Земельная рента представляет собой совокупность трудовых повинностей, натуральных поставок и денежных платежей, «и при этом все равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство»⁵³. Дело не в названии повинностей, а в их рентной природе, хотя они выполнялись в пользу и государства, и феодала, и церкви.

Попробуем рассмотреть интересующую нас проблему исходя из природы феодальной собственности. Монопольное право господ на землю лежит в основе феодального общества. По этому поводу К. Маркс писал, что «только земля и противостоит ему (крестьянину.— Д. Л.) как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»⁵⁴. Без этого феодалы при наличии свойственного тогдашнему способу производства мелкого держания не получали бы феодальную ренту, которая представляет собой экономическую реализацию земельной собственности. Из характера феодальной собственности вытекает необходимость внеэкономического принуждения для присвоения прибавочного труда непосредственного производителя⁵⁵. При натуральной земельной ренте, которая была господствующей до середины XVI в. в Великом княжестве Литовском, феодал был заинтересован в устойчивой и обеспечивающей его ренте. Этим определялось его желание, чтобы на его земле садилось как можно больше непосредственных производителей, ибо каждый новый крестьянский двор являлся источником получения ренты. Отсюда широкое стремление, охватившее в разное время и в разной форме всю Европу, к колонизации новых земель. Однако, чтобы осуществлять такого рода колонизацию, необходимо было создать благоприятные условия для крестьян, но в то же время и привязать их к земле. Этому весьма способствовало наследственное владение крестьян своими участками земли.

При таких условиях в Европе получило распространение так называемое доброе право крестьян на землю. Его можно встретить в виде вкупного права, немецкого права, французской цензивы и просто без специальных названий. «Французский цензитарий, например, или наследственный копигольдер в Англии,— писал акад. С. Д. Сказкин,— имели право продавать, закладывать, дарить и т. д. свои держания, причем французский цензитарий во многих случаях даже не был обязан испрашивать предварительного согласия сеньора»⁵⁶. Подобным правом на землю и выход располагали и крестьяне, сидевшие на немецком праве, как в Польше, так и на западных окраинах Великого княжества Литовского. Как мы видели выше, близкими к ним были и права крестьян, сидевших на русском праве. Интерес феодалов к освоению новых земель был настолько велик, что они даже предлагали новоселам обширные льготы: освобождение от повинностей на 5—30 лет. Кроме того, землевладельцы часто оказывали крестьянам еще и вспомоществование скотом, зерном и т. д.

Медленное развитие производительных сил при феодализме определяло большую устойчивость производственных отношений, приобретающих со временем характер традиции, обычая. Обычай господствующий класс стремился возвести в закон⁵⁷. Традиционный и повинностный характер крестьянского землевладения при наличии общины, выполнявшей роль низкой административной единицы, определил собой

⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 355.

⁵³ Там же, стр. 358.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См. там же, стр. 353.

⁵⁶ С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1968, стр. 130.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 356—357.

и форму отчуждения земли крестьянами. С одной стороны, крестьянин (в исследуемое нами время), не ущемляя прав и выгод собственника, мог отчуждать свое владение, разумеется, с теми повинностями и обязанностями, которые на нем лежали и которые обязывался выполнять его новый владелец. Такое отчуждение производилось с ведома собственника земли или с согласия общины в волостях господаря. В тех случаях, когда продавцом был обедневший и неисправный тяглец, это было даже выгодно феодалу, ибо обеспечивало ему лучшего плательщика, а обедневший за полученные деньги мог поправить свои дела и сесть на меньший надел. Бедность как мотив продажи встречается в актах нередко. В тех случаях, когда владельческие права крестьян вступали в конфликт с интересами, а тем более правами собственника земли, как это было показано выше, они не признавались и должны были отступить перед правами и интересами феодала.

В то же время феодальный собственник мог отчуждать свою отчуждение только с теми обязательствами, ограничениями и правами, которые на ней лежали, как в пользу своего сеньора, так и в отношении своих крестьян. Владения последних он мог отчуждать только с ними (как и их только с землей) и с их традиционными повинностями. Следовательно, феодальная собственность не означала совершенно свободного распоряжения землей, как это имеет место в буржуазном обществе. Определения вроде «расчлененная», «разделенная», «расщепленная», «поделенная» и т. д., которые в последнее время стали присваивать феодальной земельной собственности и в которые каждый автор вкладывает далеко не одинаковое содержание, не только не облегчают понимание ее, но затрудняют. Она была просто феодальная.

Проблема закрепощения крестьян в разных ее аспектах в дореволюционной, да и в советской историографии является одной из главнейших в аграрной истории Великого княжества Литовского⁵⁸. Не затрагивая спора по этому вопросу между юристами и экономистами, напомним, что, по мнению основоположников марксизма-ленинизма, несвобода непосредственного производителя вытекает из самой природы аграрного строя феодализма⁵⁹. Мы будем говорить лишь о выходе крестьян (при этом не затрагиваются паробки, койминцы и т. п.) в XV — первой половине XVI века. Приведенные выше мнения разных авторов по этому вопросу, в том числе Ю. Юргиниса и Д. И. Мышко, сводятся к тому, что частновладельческие крестьяне права выхода не имели, а государственные — пользовались им до аграрной реформы 1557 г. с тенденцией к потере выхода в тех волостях, где существовали господарские дворы⁶⁰. Вопрос о выходе эти авторы тесно связывают с правом крестьян на их земли.

Ограничение и потеря выхода по обычаю появились раньше писаных законов как в русских, так и в литовских волостях⁶¹. В упоминавшейся уже «Книге данин великого князя Казимира» обычно точно указывается, кого дают: человек «ходячий»⁶², человек «отчинный»⁶³, «вечник»⁶⁴, «данник» (оброчный)⁶⁵, «куничник»⁶⁶, «конекормца», «путный»⁶⁷, «тяглый»⁶⁸. Эти термины отражали наличие соответствующих

⁵⁸ См. историю вопроса: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. Т. I. М. 1952, стр. 418—420.

⁵⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 353.

⁶⁰ Ю. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве, стр. 312.

⁶¹ См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 422—423; В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 388—389; В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 304.

⁶² ДМАЮ. Т. I, стр. 13, 24 и др.

⁶³ Там же, стр. 12, 13, 25 и др.

⁶⁴ Там же, стр. 34 и др.

⁶⁵ Там же, стр. 6, 8, 9, 15, 24 и др.

⁶⁶ Там же, стр. 2, 39, 40 и др.

⁶⁷ Там же, стр. 3, 5, 8 и др.

⁶⁸ Там же, стр. 25 и др.

групп крестьян, которые уже в 40-е годы XV в. отличались друг от друга в юридическом и экономическом плане.

Сохранилось несколько актов, свидетельствующих, что старожильство не в меньшей мере, чем в Северо-Восточной Руси, выступает как фактор, ограничивавший выход и в русских и в литовских волостях. Так, староста Жемоитский Ян Кезгайлович в 1441 г. присудил боярину Минимонту куничного человека Трумпа на том основании, что отец Трумпы был пожалован Минимонту еще великим князем Витовтом «заноуж давне дане, а на то бог волен и господар наш». Такое же решение вынес Кезгайлович по делу «чоловека» Видеймайта и Медутя⁶⁹. Десятилетней давности еще не было, но обычай уже сложился. Если крестьянин был старожильцем, то есть сидел на земле-отчине после своих дедов и отцов, это давало ему известные преимущества экономические и, по обычаю, правовые, но в то же время и прикрепляло его к земле.

В 1447 г. великий князь Казимир издал привилей, получивший характер общеземского⁷⁰. Основная идея привилея та же, что и предшествующих, — уравнивание феодалов Великого княжества Литовского в правах с их польскими коллегами. Привилей подтверждал данные ранее землевладельцам — феодалам и горожанам — права и вольности, расширял их, приравнивая, в частности, к вотчинам пожалования и выслуги, полученные феодалами при Витовте и Сигизмунде, и освобождая их крестьян от ряда повинностей и податей в пользу великого князя, передавал частновладельческих крестьян под юрисдикцию их владельцев⁷¹. В привилее далее говорилось: «А також мы, а либо заказники (врадники)⁷² наши, тых предречоных княжат, рытерев, шляхтичов, бояр, местичов земедь наших Литовских, Руских и Жемоитских и иных, людей данных, извечных, селянтятых, невольных, которое бы коли плоти были, а либо достойности (людей непохожих, данных и невольных) не прийдем... а они теж прелати, княжата, рытери, шляхтичи, бояре, местичи Великого княжества Литовского... наших и будущих людей, которое бы коли плоти были, а либо достойности, приняти сами, а либо черес свои врадники, ни жадным обычаем не смети будут». Итак, перед нами своеобразное соглашение великого князя с феодалами, которому привилей придал характер закона, обязующего обе стороны. Примечательно, что в привилее нет мотивации прикрепления указанных категорий крестьян, как не указан и срок давности, делавший крестьянина непохожим. Видимо, то и другое уже было в обычае.

В литературе имеется ряд толкований приведенного соглашения.

а) Данное положение, ограничивающее выход, будто бы относится лишь к людям частных землевладельцев и не касается населения, проживавшего в домене великого князя (господаря), которое и далее оставалось свободным⁷³. Однако такое утверждение не вытекает из текста привилея. О перечисленных категориях населения в нем совершенно ясно говорится: «Не прийдем... а они теж прелаты, княжата... наших людей... приняти... не смети будут». В таком смысле эта формула встречается неоднократно и позже. Привилей обязателен для обеих сторон (!)⁷⁴, в том числе и для мещан. Под 1447 г. в «Книге данин великого

⁶⁹ Там же, приложение, стр. 537.

⁷⁰ Текст привилея публиковался неоднократно. Наиболее ранние и надежные публикации: «Zbiór praw litewskich». Poznań. 1841, стр. 28—35.

⁷¹ «Акты, относящиеся к истории Западной России» (далее — АЗР). Т. I. СПб. 1846, стр. 76.

⁷² Слова в скобках взяты из публикации: «Zbiór praw litewskich», s. 33—34.

⁷³ В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 400; «История Литовской ССР». Т. I, стр. 190; Ю. Юргинис. Закрепощение крестьян в Литве, стр. 311, 312, 313; Д. I. Мишко. Соціально-економічні умови..., стор. 73, 80, 123, 286; его же. Автореф. докт. дисс., стр. 6, 7, 22.

⁷⁴ См. Б. Д. Греков. Указ. соч. Т. I, стр. 424; «Гісторыя Беларускай ССР». Т. I, стр. 145.

князя Казимира» есть запись: «Гридин человек вышел в город, будет ли, ино его выдати»⁷⁵. Документы более позднего времени свидетельствуют, что в Великом княжестве Литовском «воздух города» не делал крепостного свободным, как это имело место в Западной Европе. Лишь Вильно некоторое время не выдавал беглых крестьян, если они успели уже получить городское право. Из текста привилея 1447 г. и пожалованный также ясно видно, что в домене господаря жило такое же пестрое население, как и у частных землевладельцев, и что одни и те же группы этого населения и у феодалов и у господаря юридически теряли право перехода, то есть становились крепостными по писаному праву.

б) И раньше и сейчас встречается утверждение, что привилея 1447 г. вообще закрепил всех крестьян на их местах⁷⁶ или, наоборот, что его постановления «далеко не всегда выполнялись» либо не выполнялись вовсе⁷⁷. Но и для такого утверждения приводимый текст не дает оснований. Обратимся к документам последующих лет. Привилея 1447 г. имел огромное значение для господствующего класса. Не удивительно, что отдельные его положения и позднее встречаются в разного рода документах и даже в статуте 1529 года. Так, в 1507 г. великий князь Сигизмунд подтвердил Киевской земле привилеи его предшественников — Казимира и Александра. В этой подтвердительной грамоте⁷⁸ говорится: «А им (киевлянам.— Д. П.) наших людей, а не литовских не приимати, а нам церковных людей и князских и панских за себе не приимати, отчинных людей непоходячих». В такой же редакции приведено это место в киевском привилее 1529 г.⁷⁹ и в других привилеях. Здесь точно указано, каких крестьян нельзя принимать, остальных же — вольных, можно. В частных актах встречаются те же люди отчинные, непохожие, и вольные, похожие. Возьмем судебное постановление великого князя Александра 1496 г. по жалобе клишковских крестьян на своего господина. Последней, утверждая, что их предки и они несли «тяглую службу с сохою и серпом, с косою и топором, и иную тяглю тянули по тому, как и иные селяне», считал их людьми «непохожими» и ищет их как беглых, когда они ушли с земли. Крестьяне же заявляли, что они с предков «люди вольные, похожие». Свидетели доказали, что деды и отцы клишковских крестьян и они сами служили своим господам как «люди отчинные, тяглые, неотхожие». Великий князь признал их непохожими⁸⁰. В том же году великий князь Александр пожаловал И. Глинскому «сельцо Смолино», но записал: «Нижли тии люди вольнии ...восхотят, ему служат, а не восхотят ему служить, и он маеть их отпустить добровольно со всеми их статки»⁸¹.

Так обстояло дело с выходом не только в писаном праве, но и в обычном. В обменном акте луцкого старосты П. Яновича с Пересопницким монастырем в 1490 г. сказано: «А тьи люди отчичи мои мають ему по тому служити, как есть в той земли обычай, а проч им нельзя от него пойти. А людей похожих шесть человек у том имени у Дядковичах, а не заседлыи, коли усхотят от него проч пойти, как в земле обычай есть, выход отдавши, вольно ему пойти, где хочет»⁸². Хорошей иллю-

⁷⁵ ДМАМЮ. Т. I, стр. 36.

⁷⁶ «История СССР». Т. II. М. 1960, стр. 421; «Гісторыя Беларускай ССР». Т. I, стр. 145

⁷⁷ См. Б. Д. Греков. Указ. соч. Т. I, стр. 425; В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 361.

⁷⁸ АЗР. Т. II. СПб. 1848, № 30.

⁷⁹ М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства. Приложение, стр. 378.

⁸⁰ АЛМ. Т. I, вып. I, № 275.

⁸¹ АЗР. Т. I, № 133; подробнее см.: АЛМ. Т. I, №№ 7, 231, 400; «Ревизия пуш и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная Воловичем в 1559 г.». Вильно. 1867, стр. 210 и др.

⁸² «Памятники Киевской археографической комиссии». Т. I. Киев. 1846, № 1.

страцией по данному вопросу может служить положение крестьян Онуфриевского монастыря (около Мстиславля), пожалованных ему местным князем. Если оставить в стороне крестьян, юридический статус которых неопределен, то остальные по грамоте 1468 г. выглядят так: 8 человек — похожие и 7 — непохожие⁸³. По подтвердительной грамоте 1483 г.⁸⁴, в тех же селах было 8 похожих и 8 непохожих. В подавляющем большинстве это одни и те же люди. Крестьяне, вольные в 1468 г., остаются вольными и в 1483 году. Это свидетельствует о том, что и после привилея 1447 г. вольные крестьяне, прожив в частных владениях длительное время (между грамотами 15-летний промежуток), оставались вольными. Или этот срок был мал еще для их прикрепления, или, возможно, условия их поселения охраняли их от закрепощения. Крестьяне, судя по грамотам 1468 и 1483 гг., уходят из владений монастыря, даже непохожие, и приходят как вольные, так и непохожие. У обеих категорий крестьян одинаковые наделы и повинности, не изменившиеся за 15 лет.

Подобные примеры не единичны. Они показывают, что и в частных владениях среди крестьян были и похожие, а не обязательно лишь крепостные, как и не все господарские крестьяне были свободными⁸⁵. Первый статут 1529 г., обязательный для всего населения княжества, указывает, что вольные крестьяне могли свободно уйти с земли при условии, если они пробыли у своего пана, неся полные повинности столько же лет, сколько они сидели у него до этого «на волях» (без повинностей). В противном случае такого вольного следовало искать и выдать «яко отчича»⁸⁶. К середине XV в. господствующий класс (в том числе мелкое и среднее боярство) достиг такой силы, что он мог и хотел иметь надежный доход от земель, с которых выполнял государственные, в том числе и военные, повинности. Господское хозяйство не могло держаться на одной челяди невольной, поэтому крестьяне должны были прочно сидеть на земле. В то же время определенным группам господствующего класса, преимущественно магнатам и боярам, осваивавшим новые земли, да и государству для его нужд (военные слуги, заселение пограничья и т. д.) необходимы были свободные (похожие) крестьяне. Нельзя было не считаться и с настроениями крестьян. Все это и отразилось на содержании привилея 1447 г. и на его гибком применении в жизни. Случаи невыполнения закона были (а когда их не было?!), но это не дает основания для утверждения, что он «просто не выполнялся».

Остается выяснить, какие же группы крестьян потеряли право перехода по привилею 1447 г., кто эти «непохожие»? По этому вопросу существовали и отчасти продолжают существовать расхождения. Не вызывает особого разногласия, что «невольные» — это «челядь невольная», паробки (против этого возражал В. И. Пичета), а возможно, и те из них, кто уже был посажен на землю, — «селянитые»; по существу, они приближались к крестьянам. К ним наверняка примыкали койминцы — крепостные бояр. Эти группы и до привилея 1447 г. не имели права выхода. Как известно, только из закупов и невольных В. Б. Антонович и М. С. Грушевский выводят непохожих людей. Другой группой непохожих были «люди извечные», «отчичи». Этого мнения придерживались Ф. И. Леонтович, М. К. Любавский, В. И. Пичета, Б. Д. Греков и другие исследователи. Следует сказать, что обе категории (невольные и отчизные) крестьян были наиболее важными для феодалов. Это они обеспечивали их рабочей силой, продуктами и деньгами. Все же отчич мог совершенно законно (как и его собрат французский вилан и крестьянин на немецком

⁸³ АЛМ. Т. I, № 21.

⁸⁴ АЗР. Т. I, № 82.

⁸⁵ См. Д. I. Мишко. Соціально-економічні умови..., стор. 115, 123; «Історія селянства Української РСР». Т. I, стр. 75, 78.

⁸⁶ «Статут 1529 г.», разд. VIII, арт. 20 (по Слуцкому списку).

праве), продав свою отчину со всеми лежащими на ней повинностями, уйти прочь, стать похожим⁸⁷.

Не так четко выглядит положение «данных». Это, конечно, не «данныки» — оброчные крестьяне, а люди, пожалованные великим князем (или удельным князем) феодалом из своего домена. Однако, как уже было показано выше (а число таких примеров можно увеличить), не всегда данный князем крестьянин обязательно, лишь в силу этого пожалования, квалифицировался как непохожий⁸⁸. Видимо, это были такие крестьяне, которые по обычаю еще в домене великого князя уже потеряли право перехода. Если бы самый факт пожалования делал крестьянина непохожим, то это означало бы установление крепостничества государственным актом, а возвратившиеся из пожалования крестьяне (ведь были же пожалования «до ласки», «до воли», «до живота», «до двух животов», были конфискованные, подаренные князю и перешедшие к нему по наследству имения частных лиц) должны были бы снова становиться вольными. Это значило бы, что воздух великокняжеского домена делал крестьянина свободным. Но такого положения не существовало. Крестьяне уходили и приходили с тем статусом, который они имели.

Внимание историков привлекает наличие большого количества свободных крестьян не только в XV, но и в первой половине XVI века. И это в то время, когда существовали привилегии 1447 г., статут 1529 г. и, главное, обычай и закон давности. Данное положение наводило Б. Д. Грекова и В. И. Пичету на мысль, что привилегии 1447 г. не исполнялись или исполнялись плохо, причем односторонне, только господарем⁸⁹. В условиях продолжающейся колонизации, погони за поселенцами случаи нарушения привилегии 1447 г., конечно, имели место, но, однако, решающее значение принадлежало не им. Такими факторами были тогдашний аграрный строй и форма эксплуатации крестьян, то есть форма земельной ренты.

Крестьянское землевладение представляло собой преимущественно большие и сложные комплексы в виде дворищ, земель, служб, которые обычно в 2—3 раза превышали будущие надель: волоки-ланы. На таком владении во многих домах-дымах сидела большая, сложная семья — община в 10—50 человек. Превалирующей формой ренты являлась натуральная, к тому же часто состоявшая из таких продуктов, как мед, воск, меха. До начала XVI в. господские хозяйства, за исключением замков и резиденций крупных панов, были невелики, а иногда совсем отсутствовали. У господаря и крупных панов в хозяйствах имелось много челяди невольной. Барщину выполняли от двора 1—2 человека. Остальные члены семьи работали только в своем хозяйстве. И господарь и пан, получая исправно ренту, не интересовались, сколько людей имелось в семейной общине того или иного дворища, службы⁹⁰. Они знали, что если ей не будет хватать рабочих рук, то она примет в свой состав посторонних людей на положении «товарищей», «потужников», «сябров», если же будут лишние — отпустит их. Потужники входили в договорные отношения с главой двора, а не феодалом, а потому садились и уходили как люди вольные. Ушедшие из семьи-общины элементы, глава которой мог быть и свободным и непохожим-отчичем, устраивались там, где им

⁸⁷ См. примеры: М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 376—377.

⁸⁸ Д. І. Мишко. Соціально-економічні умови., стр. 84, 85, 123, 286; В. И. Пичета признает это лишь для имений, пожалованных «вечно» (В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 391—395, 411).

⁸⁹ Б. Д. Греков. Указ. соч. Т. I, стр. 425; В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 361.

⁹⁰ М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 376, 377; В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения, стр. 399.

было лучше, на положении вольных новоселов. Вольными они считались не только потому, что сами называли себя так, но, главное, потому, что их никто обычно не искал, а за давностью и искать не мог. Примеров подобного рода приведено в литературе много⁹¹. Даже если такие поселенцы садились на новое хозяйство у своего господина, он охотно предоставлял им положение новоселов со всеми вытекающими отсюда волями, свободами. Силой разделить крестьянские земли и сажать крестьян на новых хозяйствах феодал не мог. Так он поступал лишь с семьями челяди невольной, посаженными на землю, да и то при условии, если имел значительные средства для оказания им помощи. Конфликт возникал лишь тогда, когда уходила вся семья и двор пустел. Тогда начинались поиски и иски. Если же это происходило в голодный год (что не было редкостью), то господин или должен был взять на себя прокорм такой семьи, или не препятствовал ее уходу. Последнее часто практиковалось у господаря, ибо он не оказывал непосредственно помощи.

Другим источником появления вольных людей было многочисленное, особенно у господаря и крупных панов, служебное население: бояре панцирные, бояре путные, служки, стрельцы, осочники, ловчие, псарцы, многочисленные разряды конюхов и сельских ремесленников и т. д. Они тоже сидели на больших земельных владениях и большими семьями. Службу выполнял глава двора, остальные члены семьи работали в своем хозяйстве, а лишние уходили⁹². Одним из источников пополнения рядов вольных были мещане и беглые из-за границы. Немало вольных было наследственных.

В огромных владениях господаря имелось много волостей (особенно на Поднепровье), где он не вел своего хозяйства. Местное население — данники — выполняло свои повинности целой общиной медом, мехами, деньгами. Низовой администрацией здесь являлись волостные и сельские крестьянские власти. Не удивительно, что, хотя здесь население было преимущественно старожилым, то есть юридически непохожим, отдельные его представители с согласия общинных властей, а то и без него уходили. Они могли вернуться в домен господаря, могли осесть у частного владельца. Их обычно не искали, если повинности с волости шли исправно; но если этого не было и на их землю никто не сел, их разыскивали и возвращали обратно как при великом князе Александре, так и при Сигизмунде I⁹³. Приведем лишь один пример. Бобруйский староста Гаштольд в 1533 г. получил от великого князя Сигизмунда распоряжение: «Которые земли пустовские лежат впусе, а их никто не держит, на таковых повинни будете, ваша милость, отчичев отыскавши посадити»⁹⁴. Однако хорошо известно, что местные волости были населены данниками. Таким образом, В. Б. Антонович, выдвинувший в свое время положение, что данники всегда имели право выхода⁹⁵, ошибался. Они имели возможность выхода. Привилей 1447 г. и статут 1529 г. относились к ним в такой же мере, как и ко всем крестьянам.

Выход вольного человека определялся его соглашением с феодалом или обычаем. Соглашение оберегало его от закона давности, засидев которую, он становился непохожим. Колонизация края давала вольным возможность выговаривать у господ относительно легкие условия выхода. Чтобы лишить их такой возможности, феодалы отдельных пове-

⁹¹ См., например: М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 389, 393, 409; В. И. Пичета. Юридическое положение сельского населения..., стр. 397—410.

⁹² См. М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 411—412.

⁹³ Там же, стр. 374—376.

⁹⁴ М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 109.

⁹⁵ «Архив Юго-Западной России». Ч. VI, т. II. Предисловие, стр. 13—17. Подобной мысли придерживается и Д. И. Мышко (Д. І. Мишко. Соціально-економічні умови..., стр. 115, 123, 283).

тов, земель сговаривались об установлении единообразных условий для осаживания и выхода вольных людей. Раньше других это сделали феодалы бассейнов сплавных рек Западного Буга и Западной Двины, экспортировавшие хлеб. Привилеем 1501 г. шляхта Подлясья утвердила у себя однодневную барщину, а в 30-х годах XVI в. полоцко-витебская шляхта пыталась ввести даже двухдневную. При отходе вольный человек (на Подлясье) должен был заплатить «остатнее» — 1 копу грошей и «сходельное» — полкопы с волоки⁹⁶. Это была стоимость 3 коров. Естественно, такие условия задерживали выход крестьянина, и он становился крепостным.

Из изложенного выше материала видно, что похожие не обязательно через 10 лет становились крепостными⁹⁷. То же приходится сказать и по поводу распространенного мнения, что лишь статут 1588 г. «окончательно» закрепостил крестьян. Это произошло раньше. Статут 1588 г. лишь еще больше затруднял выход небольшого остатка похожих людей.

Осуществление крестьянами своих прав на землю и выход было далеко не одинаковым в разные периоды развития феодального общества и у различных категорий феодалов. Наиболее полно и свободно они осуществлялись данниками в волостях великого князя в XV веке. Там, где велось господское хозяйство, в частности у мелкого и среднего боярства, они были стеснены уже во второй половине этого столетия. Развитие фольварочно-барщинной системы, возникшей главным образом в результате вовлечения неразложившегося феодального поместья в торговлю хлебом, началось у шляхты раньше, чем у господаря, и шло интенсивнее. При этой системе земля все больше приобретала новое значение. Это нашло свое выражение и в росте цен на нее. Крестьянские земли теперь нужны были для организации господских фольварков. Земля же нужна была и для хорошего обеспечения крестьянской семьи, инвентарем и рабочей силой которой велось фольварочное хозяйство. Не удивительно, что эта система сначала сильно стеснила, а позже положила конец практиковавшемуся отчуждению крестьянами земли и выходу на сторону свободных членов семьи, ибо именно теперь они сами были нужны больше, чем их оброки.

Когда господарь стал перестраивать свое хозяйство на принципах фольварочно-барщинной системы (реформа по уставе 1557 г.), то и вопрос о распоряжении крестьян землей и о выходе должен был получить новое звучание. Крестьянские земли независимо от их происхождения были господарем обезличены и перемерены. Каждый двор получил одинаковый надел в размере волоки (21, 36 га), с которого выполнял все повинности, в том числе два дня барщины в неделю. Вся программа перестройки в первые годы не была реализована полностью, но она положила начало господству новой формы ренты — отработочной. Устава 1557 г. (арт. 34) разрешала крестьянину с ведома администрации в присутствии сельских властей и с записью в книге «продать» свой надел другому, могущему выполнять повинности, лежащие на нем. Она не лишила господарских крестьян, как это утверждается очень часто в литературе, возможности отчуждения земли и выхода. Крестьянин, взяв справку с места проживания, что ушел добровольно, осадив свою волоку, мог отправиться в город или поселиться в ином месте, но «абы инде не шол, только до волости нашею». Устава 1557 г. сузила условия и возможности отчуждения земли и выхода, затруднила, сделала их строже. Эти трудности и строгости будут возрастать по мере роста фольварочно-барщиннокрепостнической системы все больше и больше. И все же до конца феодального периода крестьянин будет отчуждать свой надел и уходить с него, но уже не в силу права, а по милости своего господина.

⁹⁶ АЗР. Т. I, № 189, арт. 19 и 20.

⁹⁷ «Історія селянства Української РСР», стр. 78.

Таким образом, дело не в том, что лишь во второй половине XVI в. в «Великом княжестве Литовском юридически оформились феодально-крепостнические отношения»⁹⁸, как это утверждал В. И. Пичета, или что в то время «Литва вступила в период зрелого феодализма»⁹⁹. И то и другое произошло, как известно, значительно раньше. В XVI в. в Центральной Европе уже имело место «второе издание крепостничества». Ему по своей природе и жестокости никак не уступало крепостничество в Белоруссии, Литве и Украине во второй половине XVI — первой половине XIX веков.

Крестьянские права на землю и выход в XV — первой половине XVI в. не были генетически связаны с правами крестьян в дофеодальную эпоху. Это продукт уже иных, феодальных отношений.

---

⁹⁸ В. И. Пичета. Феодальное поместье в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском, стр. 190.

⁹⁹ «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», стр. 90.